

УДК 94 (470.67) «17»

**НАРОДЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА ВО ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ РОССИИ С ТУРЦИЕЙ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 70–90-х гг. XVIII в.**

Д.С. Кидирниязов,

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории, археологии
и этнографии Дагестанского научного центра РАН, Махачкала

daniyal2006@rambler.ru

Аннотация: Кючук-Кайнарджийский мирный трактат 1774 г., санкционировавший присоединение Кабарды и Осетии к России и формальную независимость кубанских ногайцев, еще раз подтвердил, что решение вопроса о международно-правовом статусе Северного Кавказа является преимущественным правом великих держав и не принадлежит к сфере российско-кавказских отношений. С 70-х гг. XVIII в. в регионе сооружались военные линии в виде цепи укреплений и некоторых казачьих поселений. Выход в конце XVIII в. к Черному морю и присоединение Крыма к России стали важными событиями в международной жизни и политике. Они подняли ее авторитет в Европе и одновременно обострили отношения с султанской Турцией. Народно-освободительное движение под руководством шейха Мансура вызвало большой резонанс на Северном Кавказе, что объяснялось общностью целей местных народов в освободительной борьбе. Ясский мир 1791 г. лишь подтвердил условия мирного договора 1774 г., не принеся никаких новых территориальных изменений в крае. В рассматриваемое время российские власти практически не предпринимали каких-либо действий в отношении местных народов. Действия русской администрации в регионе не выходили за рамки внешнего контроля и поощрения торгово-экономических связей местного населения с переселенцами из центральных губерний России. Контроль осуществлялся военными властями, активно внедрявшимися в географическое пространство края (строительство крепостей, создание новых гарнизонов и мест дислоцирования русских войск). Было также начато создание гражданской администрации региона (наместничество, губерния, приставство).

Ключевые слова: Россия, Турция, Крымское ханство, Северный Кавказ, взаимоотношения, мирный договор, власть, Мансур, войска.

**THE PEOPLES OF THE NORTH CAUCASUS IN THE RELATIONS OF RUSSIA
AND TURKEY IN THE 1770–1790 s.**

D.S. Kidirniyazov,

Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Institute of History, Archeology and Ethnography,
Dagestan Scientific Center, RAS, Makhachkala

daniyal2006@rambler.ru

Abstract: The Küçük Kaynardzha Peace Treaty of 1774, which sanctioned joining of Kabardia and Ossetia to Russia and formal independence of the Kuban Nogais, once again confirmed that the solution of the question of the international legal status of the North Caucasus was the prerogative right of great powers and did not belong to the sphere of Russian-Caucasian relations. Since the 1770s, military lines in the form of fortification chains and some Cossack settlements were built in the region. Access to the Black Sea at the end of the 18th century and joining of the Crimea to Russia became important events in international life and politics. They raised the authority of Russia in Europe and at the same time heightened tensions with the Turkish Empire. The people's liberation movement under Sheikh Mansur's command caused a massive public outcry in the North Caucasus due to common goals of the local

peoples in the liberation struggle. The Treaty of Jassy of 1791 only confirmed the terms of the peace treaty of 1774 without any new territorial changes in the region. During the period under consideration, the Russian authorities hardly took any actions in regards to the local peoples. The actions of the Russian administration in the region did not go beyond external control and encouragement of trade and economic ties between the local population and immigrants from the central provinces of Russia. The control was carried out by the military authorities actively introduced into the geographical area of the region (construction of fortresses, creation of new garrisons and places of deployment of Russian troops). The creation of the civil administration of the region (vicarious authority, government, police force) was also started.

Keywords: Russia, Turkey, Crimean Khanate, North Caucasus, relationship, peace treaty, authority, Mansur, troops.

После заключения Кючук-Кайнарджийского мира Порты медлила с ратификацией договора. Турецкий султан надеялся вернуть под свою власть Крымское ханство. В борьбе за Крым османское правительство придавало значение Кубани и особое Тамани как пункту, связующему обе части ханства. В связи с этим османы не торопились выводить свои войска из Тамани, что было предусмотрено договором 1774 г. Турецкий султан требовал передачи ему Тамани, Кинбурна, Керчи и Еникале [7, с. 324].

В мае 1775 г. ставленник султана Девлет-Гирей вступил на крымский престол. Новый хан отказался признать союзный договор 1772 г. с Россией и готовился вытеснить российские гарнизоны из Еникале и Керчи. Кроме того, крымский хан отправил своих посланников к султану в Порту с просьбой ликвидировать независимость Крыма [22, с. 295]. В создавшейся обстановке российское правительство решило выдвинуть на крымский престол своего кандидата – Шагин-Гирея. Чтобы проложить ему путь в Крымское ханство, было решено использовать Правобережную Кубань [38, с. 53,57].

Следует отметить, что провозглашение ханом Шагин-Гирея на Северо-Западном Кавказе проходило в напряженной обстановке. Не нарушая мирных отношений с Османской империей, нужно было уговорить кубанских ногайцев избрать своим ханом Шагин-Гирея. Необходимо указать, что не все местные владетели хотели этого. Только присутствие турецких войск в Тамани предоставило возможность османским эмиссарам усилить агитацию против ставленника Петербурга среди местного населения. В результате на сторону турок перешли темиргоевцы, значительная часть едишкульских ногайцев, шапсугов и абазин. Однако следует подчеркнуть, что в большинстве своем местные народы придерживались пророссийской ориентации. К ним относились адыги (натухайцы, часть шапсугов), ногайцы и абазины [34, с. 68].

Между тем, в январе 1777 г. Шагин-Гирей был избран ханом на Кубани, а 28 марта того же года крымский диван отстранил от власти Девлет-Гирея и признал ханом Шагин-Гирея [32, с. 28].

Весной 1777 г. Г.А. Потемкин представил императрице Екатерине II докладную записку, в которой он наметил план колонизации и экономического освоения Предкавказья. Он предложил сомкнуть русские форпосты в устье Дона и в низовьях Терека укрепленной линией, которая пересекала бы всю равнинную часть региона от Азова до Моздока, протяженностью 500 верст [40, с.24; 24, с. 226–227].

Г.А. Потемкин понуждал кавказскую администрацию ускорить производство всех крепостных работ, чтобы к лету 1777 г. завершить строительство этой линии [36. Оп. 194. Д.151. Ч.1. Л.241–242]. Строительство велось силами солдат и казаков. Кроме того, лояльные России адыги, осетины, ногайцы, абазины и др. помогали русским в строительстве укреплений на российской границе по Кубани, а также в строительстве г. Ставрополя, подвозя на своих подводах лес, камни и другие строительные материалы [27, с. 16].

Между тем султанские эмиссары усилили антироссийскую пропаганду, подстрекая народы Закубанья к нападению на строящиеся укрепления. Турецкие эмиссары обещали местному населению денежное вознаграждение и военную помощь. Строительство российских военных укреплений на Правобережной Кубани вызвало возмущение адыгов. Укрепленная линия мешала местным жителям использовать пашни и пастбища на правом берегу Кубани. Весной 1779 г. кабардинцы, привлечшие на свою сторону западных черкесов, бесленеевцев и темиргоевцев, а также подвластных ногайцев князей Ахловых и Тогановых, встали в 7 верстах ниже Марьинской крепости на р. Залке. Они потребовали уничтожения всех российских крепостей в регионе [18, с. 183–184].

Кроме того, ногайцы, черкесы и кабардинцы Закубанья летом 1779 г. участвовали в осаде крепости Марьинской. После ожесточенного 6-часового сражения закубанцы и кабардинцы отступили [11, с. 52, 57–58].

К этому времени российскому командованию на Кавказе стало известно, что султанская Турция начала активную подготовку к новой войне с Россией, стремясь привлечь на свою сторону народы Дагестана, адыгейцев, чеченцев, кабардинцев. В январе 1778 г. А.В. Суворов сообщал ген.-фельдмаршалу Румянцеву-Задунайскому, что горцы могут выставить 20 тыс. человек [39, с. 111].

Необходимо указать, что в целом северокавказские народы не возражали против строительства крепостей на Правобережной Кубани. Российское правительство хорошо понимало, что в столь сложной обстановке на Кубани нельзя добиться усиления своих позиций только военными мерами. Петербург не мог проявить особую агрессивность к местным народам, которые были его естественными союзниками и оказывали помощь в борьбе России с Персией, Портой и Крымом [12, с. 143].

Следует отметить, что российское командование проявляло гибкость и лояльность к местному населению, возникали предпосылки для торгово-экономического, политического, культурного сближения Северного Кавказа с Россией. Вольные или невольные просчеты российских властей в крае приводили к усилению там влияния турецкого султана или иранского шаха, а просчеты последних в свою очередь благоприятствовали укреплению позиций Петербурга.

Необходимо подчеркнуть, что укрепляя свои позиции в регионе, российское правительство не только способствовало расселению здесь казаков и переселенцев из внутренних губерний, но также поощряло обоснование в русских крепостях пророссийски настроенных представителей северокавказских народов.

Как известно, во всех вновь возведенных укрепленных пунктах и станицах вместе с русскими добровольно селились представители местных народов: кумыки, осетины, ногайцы, лакцы, чеченцы, ингуши, кабардинцы, абазинцы и многие другие [23, с. 310].

С 80-х гг. XVIII в., с присоединением Крыма и подписанием Георгиевского договора 1783 г., Россия начинает планомерное проникновение на Кавказ, издавна составляющий зону влияния шахского Ирана и султанской Турции.

Первостепенное важное значение имел Северо-Кавказский регион как геостратегический район на юге Российского государства. Утверждение того или иного государства в этом крае, расположенном между Черным и Каспийским морями, давало возможность играть господствующую роль в судьбах народов Передней и Центральной Азии.

Успехам кавказской политики российского правительства благоприятствовала и внутривосточная обстановка на Северном Кавказе, в частности в Дагестане. Здесь не прекращались феодальные распри, усобицы и т.д. В этих условиях Северный Кавказ не мог защищаться от агрессии региональных держав – шахского Ирана и султанской Турции. В связи с этим, по мере возрастания угрозы со стороны Персии и Порты, росло число пророссийской ориентации среди владетелей как Дагестана, так и Северного Кавказа в целом [12, с. 114–145, 148–149; 30, с. 382–383].

Кроме того, присоединение в 1783 г. Крыма к России сыграло немалую роль в судьбах народов Северного Кавказа. Народы региона избавились от разорительных походов крымцев, бравших с них дань людьми. Северокавказцы, освободившись от притязаний султанской Турции и её вассала – Крымского ханства, попали в сферу прогрессивного экономического и культурного влияния России.

В начале 80-х гг. XVIII в. по распоряжению князя Г.А. Потемкина на Азово-Моздокской укрепленной линии – в Моздоке, Ставрополе и Георгиевске были сооружены лавки и амбары для торговли с народами Дагестана, кабардинцами, адыгами, осетинами, чеченцами, ингушами и другими местными народами [14, с. 306, 316–317].

Между тем, имея огромную территорию на Северном Кавказе в своих руках, российские власти указом от 5 мая 1785 г. решили оформить её присоединение к империи юридическим актом – созданием Кавказского наместничества из двух областей – Кавказской и Астраханской. С учреждением наместничества степное Предкавказье было окончательно включено в административную систему Российской империи [42, с. 23].

В марте 1785 г. на Северном Кавказе началось движение под руководством Ушурмы (шейх Мансур. – Авт.), продлившееся до июня 1791 г. Движение шейха Мансура возникло на Северо-Восточном Кавказе и имело глубокие социально-политические корни [18, с. 83].

Этим объясняется, что на первом этапе к нему примкнули чеченцы, кабардинцы, кумыки, ногайцы, лакцы и др. Затем отчасти под влиянием османов оно приобрело ярко выраженную антиимперскую направленность и создало определённую угрозу позиции России на Северном Кавказе [1, с. 34–36].

Следует отметить, что основной причиной создания антироссийской коалиции местных народов являлась не столько пропаганда султанской Турции, сколько сама политика, проводимая российским правительством в крае, её наступление на суверенитет местного населения. Успех движения шейха Мансура способствовал росту его популярности. К нему стекались все новые сторонники. Стремясь закрепить успех, Ушурма дважды пытался захватить Кизляр, но каждый раз терпел неудачи и отступал [13, с. 71].

Необходимо указать, что кизлярский комендант постоянно вмешивался во внутренние дела владетелей Северного Кавказа зачастую и без повода, требуя от них аманатов. Известный кавказовед проф. Ш.Б. Ахмадов указывает на причины участия чеченцев в антиколониальном движении: «... торговые связи Чечни с Россией в конце XVIII в. не получили должного развития, так как экономические мероприятия царских властей, таможенные пошлины, меновые дворы и всякие другие запреты сдерживали это развитие, что в свою очередь вызывало недовольство народа, ... обостряло напряженность отношений между чеченскими обществами и царскими властями» [9, с. 384–385].

Однако в сентябре 1785 г. кизлярским властям сообщали о поддержке некоторыми дагестанскими владетелями – тарковского шамхала, казикумухского Магомед-хана, табасаранского кадия, кайтагского уцмия и др. – движения шейха Мансура [6, с. 41]. Необходимо указать, что к движению присоединились также лакцы из Казикумуха, кумыки и ногайцы Засулакской Кумыкии [10, с. 59]. Кроме того, ведущее место заняли такие владетели, как эндиреевский князь Али-Султан и кабардинский князь Дол [16, с. 71].

Следует отметить, что в начале движения под руководством Ушурмы отношение дагестанских владетелей к нему было неоднозначным [28, с. 356–357].

Например, тарковский шамхал Муртузали, аварский правитель Умма-хан, казикумухско-кюринский Нурмагомед-хан и его сын Сурхай-хан открыто не поддержали шейха Мансура [39, с. 137–138, 142].

В ответ на его призыв аварский хан ответил ему: «... ведь у России сил много, а у дагестанцев нет сил и средств и поэтому дагестанцы не могут воевать против России. Это и Дагестану никакой пользы не даст» [36, Оп. 194/2. Д. 52. Л. 121]. Тарковский шамхал Муртузали ограничился визитом своего сына в лагерь восставших. Возможно, определённую роль сыграли здесь и первые неудачи шейха Мансура и антифеодальная направленность самого движения, а также действия российских войск против повстанцев [43, с. 169]. Все чаще отряды Ушурмы рассеивались российскими войсками, а попытки силой провести мобилизацию и обложить местное население налогами популярности шейху Мансуру не добавляли. Так, эндиреевские и аксаевские князья обратились к ген.-губернатору П.С. Потемкину с просьбой простить их и изъявили готовность «если когда чеченцы и мычигышцы будут чинить вред нам или кизлярским народам, то согласились с ними драться» [37, с. 200].

Первоначально предполагалось, что Ушурма совершит поход в горы и в Кабарду. Российское командование на Кавказе не без опасения следило за всем происходящим в Чечне. Вначале оно пыталось уговорить восставших оставить шейха Мансура, но безуспешно. Затем оно направило против Ушурмы военный отряд под командованием полковника Пиери. Русским удалось занять чеченское село Алды, но на обратном пути они были разбиты [9, с. 396–398].

Стремясь развить успех, шейх Мансур в июле 1785 г. решил штурмом взять г. Кизляр, но безуспешно [36. Оп. 194. Д. 350. Ч. 7. Л. 60]. Затем он направляется в Большую Кабарду, надеясь привлечь к движению новые силы. Однако 2 ноября 1785 г. в районе Татаргупа Ушурма потерпел новое поражение от русских [9, с. 404].

К середине 1786 г. социальная база движения под руководством Ушурмы стала неуклонно сужаться. Многие участники движения стали обращаться к русскому командованию в регионе с просьбой о прощении. Ближайшие сподвижники Ушурмы – кабардинский князь Дол, кумыкские князья Али-султан и Хаджи-Муртузали Чопановы, ногайский бий К. Мансуров, осетинский алдар Дударов и другие владетели покинули повстанцев и перешли на сторону русских властей [8, с. 95]. Между тем, турецкий султан хотел использовать это движение в своих интересах. В сентябре 1786г. шейх Мансур ездил в Анапу по приглашению закубанского ногайского князя Мансурова. Несмотря на то, что российским командованием были приняты меры по задержанию Ушурмы при

переходе через р. Кубань, он вместе со своими сподвижниками скрыто перебрался в Кабарду, а оттуда через горы ушел в Закубанье [36, Оп. 194. Д. 364. Ч. 4, л. 165].

Осенью 1786 г. вновь усилились попытки российской администрации захватить Ушурму в плен. Вскоре он успешно вернулся в Чечню. В мае – июне 1787 г. шейх Мансур усилил свою пропагандистскую активность среди чеченцев, настаивая на необходимости собрать войско из местных жителей для защиты своих имуществ и жилищ от российских войск. Шейх Мансур проводил собрания во многих чеченских аулах. Такое же мероприятие было проведено и в его родном селе Алды. Ушурме удалось собрать ополчение в 1 тыс. человек. Сюда входили вайнахи, аварцы, эндириевские, аксаевские кумыки и ногайцы. Однако из-за ряда безуспешных военных действий в Чечне, Кумыкской плоскости и Кабарде, а также перед предстоящей российско-османской войной шейх Мансур вынужден был перебраться в Анапу [25, с. 209].

Османская Турция не желала примириться с потерей Крыма и Правобережной Кубани и, опираясь на поддержку западноевропейских держав (Англии и Франции), развязала новую войну с Россией (1787–1791 гг.).

До официального начала русско-турецкой войны (7 сентября 1787 г.) 21 августа османский султан отправил отряд из крепости Суджук-Кале к шейху Мансуре с целью организации совместного вторжения с народами Закубанья в пределы России. Шейх Мансур руководил двумя крупными операциями на Северо-Западном Кавказе: 20 сентября 1787 г. значительные силы ногайцев и западных адыгов во главе с Ушурмой атаковали русские позиции между Лабой и Урупом, но были оттеснены российскими войсками. Вскоре в октябре шейх Мансур с ногайцами и западными адыгами вновь попытался в районе р. Уруп оттеснить российские войска, но опять без успеха [18, с.189]. Одна часть приверженцев шейха Мансура приняла российское подданство, другая – отступила за р. Лабу. Сам же шейх Ушурма с большим трудом ушел в Анапу. Ногайцы, жившие в районе Лабы, принесли присягу верности России [21, с. 369].

Когда же осенью 1787 г. шейх Мансур переправился через Кубань для агитации против России, абазины, ногайцы, карачаевцы и черкесы отказались признать его своим духовным главою [19, с. 90].

Местные народы, жившие в верховьях Кубани и на Зеленчуках, явились к русскому командованию и изъявили желание быть подданными России. Ногайский князь А.Ахлов, абазинские старшины родов Лоова, Кяча, Трамова, владельцы М. Бибердов, И. Лоов и другие принесли от имени своих народов присягу и приняли российское подданство. В залог своей верности они дали аманатов из наиболее знатных семей [4, с. 29].

Г.А. Потемкин доносил императрице Екатерине II 1 декабря 1787 г., что «знатное число черкесов переселено в Кавказскую губернию, абазинцы, и ногаи перешли в русское подданство, присягнув на верность России» [4, с. 29].

Весной 1788 г. турецкий султан планировал направить крупные воинские силы через Северо-Западный Кавказ для захвата Крыма. Большие надежды при этом он возлагал на помощь народов Северного Кавказа. Чтобы поднять их на борьбу с Россией, сюда было направлено большое количество султанских эмиссаров. Активизировал свои действия и Ушурма, побывав у абазинцев, ногайцев (наврузовцев) и призывая их принять участие в военных действиях против русских [8, с.273; 18, с. 189]. Обращался он с письмами-призывами и к народам Центрального и Северо-Восточного Кавказа. В одном из них указывалось, «чтоб здешние жители веру крепко держали и соблюдали и с русскими не мирились». В Дагестан, в частности, к правителю Аварского ханства было послано от османского султана много денег с просьбой, чтобы он помог шейху Мансуре [31, с. 64].

Однако надеждам Порты не суждено было сбыться. Османскому султану так и не удалось организовать на Северном Кавказе антироссийское выступление. 1 ноября 1788 г. командующий войсками Кавказской линии ген. П.И. Текелли доносил, что все северокавказские народы «за всеми обращениями остались при своих местах» [36. Оп. 194. Д. 481. Л. 82]. Ни щедрыми подарками, ни угрозами эмиссары турецкого султана не смогли поднять народы Северного Кавказа на борьбу против России. Так, российский генерал Горич, адыг по происхождению, исходя из личных наблюдений и на основе многочисленных сообщений, которые поступали из Нагорного Дагестана, в своем донесении от 3 февраля 1788 г. кн. П.С. Потемкину писал: «Хотя здесь со стороны турков распространяемые разные слухи, как-то об отправке турецких войск на Кавказ и в Дагестан, рассеиваются, но горцы сами видят, что то несбыточно... я нахожу во всех горских народах доброе к нам расположение и, если угодно будет вашей светлости, могу собрать войско из них» [12, с. 155–156]. Кроме того, специально отправленный в Дагестан для обследования «касательно верности тех владельцев в расположении» к России и выяснения, «нет

ли подсылок от Порты» поручик Навруз-Али Имангулов (по происхождению из терских ногайцев) по возвращении подтвердил, что, несмотря на все старания султанских лазутчиков, местное население остается верным России и «что все жители желают безмерно быть под покровительством России, «почему более ханы страшатся приклониться на приглашение Порты» [36, Оп. 194. Д. 487, л. 25–30].

В 1790 г. османы двинули в центральную часть Северного Кавказа 30-тыс. армию под командованием Батал-паши. Кроме того, на стороне Порты находилось 15 тыс. адыгов. С этим походом османский султан связывал далеко идущие планы. Подчинение Кабарды, территория которой имела важное военно-стратегическое значение, составляло одну из основных целей этого похода. Турки рассчитывали захватить Кизляр, оказать давление на Дагестан и Южный Кавказ, укрепиться на побережье Каспийского моря и в целом на Кавказе [22, с.497]. Религиозной пропагандой и подкупам султанская Турция рассчитывала воспротивиться против России и привлечь на свою сторону все мусульманские народы края [11, с. 217]. Однако надежды османского правителя на этот раз не оправдались. Народы Северного Кавказа, за исключением небольшой части местной знати, отказывались поддержать Порту. Кроме того, в штурме Анапы отличились отряды под командованием кабардинского князя А. Хамурзина. Совместно с русскими отважно сражались и представители всех народов региона. Российское правительство отметило наградами и воинскими чинами ряд северокавказцев. Так, дагестанцы Г. Чепалов, М. Ахматханов, У. Хамзин, Д. Таймасханов, Х. Алишев, А. Аджиев, А. Алхасов; осетины Е. Кабатиев, А. Туганов, К. Байгиреев; кабардинцы А. Атажукин, М.Татарханов, Т.Наурузов и др. получили различные воинские звания [3, с. 15–16; 11, с. 217; 21, с. 376–378]. Такая позиция северокавказских народов способствовала победам российских войск.

В сентябре 1790 г. российские войска под командованием ген. И.И. Германа одержала победу над турецкими войсками во главе с Батал-пашой. В плен был взят сам Батал-паша. Некоторые представители северокавказских народов участвовали в сражении на стороне русских [33, с. 268; 46, с. 146]. Победа российских войск над превосходящей по численности османской армией произвела большое впечатление на местные народы Закубанья. После этого сражения адыги (темиргоевцы, махошевцы и др.) и ногайцы стали проситься в российское подданство и были приведены к присяге [15, с. 45].

Ногайцы, жившие по р. Лабе, просили у российских властей разрешения переселиться на Правобережную Кубань. Вскоре они в числе 2 тыс. семейств были переведены в пределы Кавказской линии. Вместе с ногайцами сюда также переселилось до 390 армян [8, с. 311].

Между тем, согласно сведениям русских лазутчиков, наблюдавших за вайнахским селением Алды, стало известно, что посланный из с. Эндирей к анапскому паше сын узденя Баммат-аджи Бекир привез от Батал-паши письма. При этом он уверял чеченцев, будто бы «Батал-Паша с сильным корпусом турок, артиллерию ... тянется к Кубани, к коему также будто и кабардинцы присоединятся на действие в границы наши, почему все чеченцы, принимая сие за правду, без изъятия готовятся на скопища... и что все их склонение есть при случае скопища напасть к Кизляру» [42, л. 19].

В конце сентября 1790 г. ген.-м. Савельев докладывал кизлярскому коменданту о том, что по доходящим до него известиям, «некоторые горские народы собирают войски с намерением идти на Кизляр и другие районы» [42, л. 49].

По данным известного чеченского историка Ш.Б. Ахмадова, в это время Ушурма находился в Чечне. Своим приходом в Чечню в середине 1790 г. шейх Мансур хотел продолжить борьбу против царизма [8, с. 312–313].

В этот период новый командующий Кавказским корпусом ген. С. Булгаков был очень озадачен энергичными действиями шейха Мансура по мобилизации чеченцев и народов Дагестана для нападения на Кизляр и другие российские укрепленные пункты. Командующий Кавказским корпусом ген. С. Булгаков потребовал от ген.-м. Савельева, а последний в свою очередь от кизлярской администрации разведать, где находится в данное время шейх Мансур и не присоединились ли к нему войска дженгутаевского владетеля Ахмед-хана и тарковского шамхала? [42, л. 63].

В конце 1790 г. ген. С. Булгакова сменил на посту командующего Кавказским и Кубанским корпусом ген.-аншеф И.В. Гудович. В начале 1791 г. новый командующий прибыл на Кавказскую линию и стал готовиться в поход на Анапу. Пока шли приготовления российских войск, турки прилагали усилия, чтобы поднять местное население против русских. Весной 1791 г. турецкий султан разослал среди северокавказских народов фирман, в котором призывал к войне с Россией.

Шейх Мансур, находившийся в Анапе, также рассылал свои письма к местным народам, призывая их к борьбе с царскими войсками [8, с. 313–314].

9 мая 1791 г. ген. И.В. Гудович с 11-ю батальонами пехоты, 1900 человек егерей, 24 эскадронами кавалерии и 20 орудиями двинулся к Анапе. На соединение с командующим Кавказским и Кубанским корпусом шел также отряд ген.-м. Загряжского.

Идя в военный поход, русское командование прекрасно понимало, что успех экспедиции зависит от того, как поведут себя народы Закубанья. И.В. Гудович, как опытный стратег и большой дипломат, дал знать местным владельцам, что он идет с войсками в Анапу с целью бить османов, с которыми Россия ведет войну [45, с. 234–235]. Для укрепления нормальных отношений с местными жителями российскими властями предпринимались некоторые шаги. Так, ген. И.В. Гудович приказал отпустить на волю черкесов, нападавших с оружием в руках на фуражиров. Вдобавок российским войскам было предписано не травить и не топтать посевы местных жителей. За всем этим командующий следил очень строго [8, с. 314].

После долгой осады 22 июня 1791 г. российские войска под руководством ген. И.В. Гудовича штурмом взяли Анапу. Было захвачено 95 крупных орудий, турки потеряли в сражении около 8 тыс. человек, в плен попало 14 тыс. человек. Среди пленных также оказались комендант гарнизона Анапы Мустафа-паша и Ушурма [44, с. 48]. Взятый в плен шейх Мансур был отправлен в Петербург и вскоре приговорен к пожизненному заключению. Умер он в апреле 1794 г. [39, с. 160].

Следует отметить, что народно-освободительное движение 1785–1791 гг. под руководством шейха Мансура, начавшееся как восстание чеченцев против царизма и местной феодальной верхушки, вскоре вызвало большой резонанс в регионе, что объяснялось общностью целей народов края в освободительном движении. Ушурме удалось привлечь под свои знамена многие северокавказские народы [5, с. 167].

Следует отметить, что исламская религия в силу объективных причин сыграла свою роль в объединении местного населения на борьбу с царской Россией. Отмечая положительную роль мусульманской религии в деле консолидации северокавказских народов, необходимо подчеркнуть, что религиозная идеология отчасти затемняла политические цели освободительного движения.

29 декабря 1791 г. в Яссах был заключен российско-турецкий мирный договор. Трактат не дал России новых территориальных приобретений на Северном Кавказе, но укрепил её позиции в Предкавказье. Согласно статье 6-й мирного трактата, османы подтверждали, что признают Кубань «границей в той стороне между обеими договаривающимися сторонами» [15, с. 45]. Таким образом, большинство закубанских народов (ногайцев и адыгов и др.) были оставлены за султанской Турцией, с тем, однако, чтобы османы не допускали с их стороны «в пределы Российской империи набегов» и «разорений Российско-Императорским подданным и их селениям» [39, с. 162].

Победа России в войне с турками произвела большое впечатление на определенную часть местной знати. Летом 1791 г. адыгейские представители (натухайцы и хегаки) объявили о вступлении в подданство России [11, ч. 3. с. 233].

Между тем, российская администрация принимает решение заселить русским населением Правобережную Кубань. Так, в конце июня 1792 г. Екатерина II пожаловала Черноморскому казачьему войску в «вечное владение» Тамань и земли по правобережью р. Кубань [26, с. 14]. После переселения сюда казаков эта территорию получила название Черномория. В 1793 г. был основан административный центр Черноморского казачьего войска г. Екатериноград [35, с. 43]. С конца XVIII в. началось активное заселение Кубани русским и украинским населением.

Следует отметить, что Ясский трактат имел немалое значение как для Российского государства, так и для северокавказских народов. Договор 1791 г. закреплял присоединение Кабарды, Балкарии, Осетии к России. В 1791 г. в российскую столицу прибыла делегация, состоявшая из князей Засулакской Кумыкии, тарковского шамхала, дербентского хана и других владельцев Северо-Восточного Кавказа с просьбой о принятии их в подданство России. Через 2 года, в апреле 1793г. ген. И.В. Гудович вновь принял присяги о российском подданстве владельцев Засулакской Кумыкии и тарковского шамхала. Осенью того же года дербентский хан Ших-Алихан также присягнул на верность России [2, с. 294–459; 29, с. 148–149].

Вместе с тем Россия, занятая борьбой с Францией и не желавшая осложнять свое внешнеполитическое положение, решила пока не принимать в свое подданство владений, находящихся в «западно-южной стороне» Каспийского моря [20, с. 459].

В этот период в регионе действовали турецкие эмиссары. Они распространяли фирманы османского султана, адресованные всем местным мусульманским народам. В указе султана, в частности, указывалось, что Порты отправила своего посланника в российскую столицу с требованием «отказаться от Крыма и Кабарды» [12, с. 163]. Турецкий султан также сообщал, что в будущей войне с Россией его поддержат Франция, шахский Иран и др. В связи с этим правитель Порты призывал все народы региона готовиться к войне с Россией [25, с. 208].

Весной 1797 г. войска иранского шаха Ага-Мухаммед-хана вторглись в пределы Кавказа. Над северокавказскими народами снова нависла угроза порабощения. Но опасность миновала после убийства иранского шаха летом того же года [12, с. 172].

В конце XVIII в. политическая обстановка на Северном Кавказе с уходом шахских войск складывалась в пользу России. Иран на некоторое время был отвлечен борьбой правящей знати за шахский трон. Кроме того, российское правительство стремилось к улучшению отношений с султанской Турцией и стало проявлять больше осторожности и уступчивости в делах с османами.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абдулаева М.И.* Дагестан в политике Османской империи во второй половине XVIII – XIX в. Махачкала, 2006. – 180 с.
2. Акты Кавказской археографической комиссии (далее – АКАК). Тифлис, 1879. Т.2. С.294–459.
3. *Алафаев А.А., Тетуев А.И.* Россия на Северном Кавказе в XVIII – начале XXI в. // Преподавание истории в школе. 2007. № 3. С. 11–17.
4. *Алексеева Е.П., Калмыков И.Х., Невская В.П.* Добровольное присоединение Черкесии к России. Черкесск, 1957. – 90 с.
5. *Алиева С.И.* Ногайские тюрки. Баку, 2010. – 332 с.
6. *Арсанукаева М.С.* Государственно-правовая политика Российской империи в Чечне и Ингушетии (XIX - начало XX вв.): основные направления, методы и последствия. М., 2012. – 496 с.
7. Архив государственного совета (АГС). СПб., 1869. Т. 1. Ч. 1. – 1036 с.
8. *Ахмадов Ш.Б.* Шейх Мансур. М., 2010. – 371 с.
9. *Ахмадов Ш.Б.* Чечня и Ингушетия в XVIII – начале XIX века. Грозный, 2002. – 528 с.
10. *Беннигсен А.* Народное движение на Кавказе в XVIII веке. Махачкала, 1994. – 80 с.
11. *Бутков П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. СПб., 1869. Ч. 2. – 600 с.; Ч. 3. – 620 с.
12. *Гаджиев В.Г.* Роль России в истории Дагестана. М., 1965. – 392 с.
13. *Гарунова Н.Н.* Российские города-крепости в контексте политики России на Северо-Восточном Кавказе в XVIII – первой половине XIX в. Махачкала, 2007. – 275 с.
14. *Гугов Р.Г.* Кабарда и Балкария в XVIII в. и их взаимоотношения с Россией. Нальчик, 1999. – 687 с.
15. Договоры России с Востоком политические и торговые. СПб., 1868. – 296 с.
16. *Идрисов Ю.М.* Очерки истории северных кумыков. Махачкала, 2014. – 232 с.
17. *Идрисов Ю.М., Абдусаламов М.-П.Б.* Кумыкские феодальные владения в контексте развития и краха теократического проекта имама Мансура в 1785-1786 годах // Вестник Адыгейского государственного университета. Вып. 4 (108). Майкоп, 2012. С. 82–89.
18. История Адыгеи. Майкоп, 2009. Т. 1. – 452 с.
19. История многовековых взаимоотношений и единения народов Дагестана с Россией. К 150-летию окончательного вхождения Дагестана в состав России. Махачкала, 2009. – 752 с.
20. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988. – 547 с.
21. Кабардино-русские отношения в XVI – XVIII вв. М., 1957. Т. 2. – 424 с.
22. *Кидирниязов Д.С.* Ногайцы в XV – XVIII вв. (Проблемы политических, экономических и культурных взаимоотношений с сопредельными странами и народами). Дис... на соиск. ученой степени докт. историч. наук. Махачкала, 2001. – 532 с.
23. *Кидирниязов Д.С.* Дагестан и Северный Кавказ в политике России в XVIII – 20-е гг. XIX в. Махачкала, 2013. – 456 с.
24. *Кидирниязов Д.С., Мусаурова З.К.* Очерки истории ногайцев XV – XVIII вв. Махачкала, 2003. – 248 с.

25. Кидирниязов Д.С., Рабаданова А.У., Гарунова Н.Н. Дагестан в политике России, Ирана и Турции в середине 90-х гг. XVIII в. // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. Всероссийский научный журнал. № 5. Ч. 1. Краснодар, 2014. С. 207–210.
26. Короленко П.П. Двухсотлетие Кубанского казачьего войска. Екатеринодар, 1896. – 94 с.
27. Краснов Г. Ставрополь на Кавказе. Ставрополь, 1957. – 227 с.
28. Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX в. Махачкала, 1957. – 408 с.
29. Махмудова К.З., Кидирниязов Д.С.-А. Георгиевский договор 1812 года//Вопросы истории. 2012. № 9. С. 148–153.
30. Муртазаев А.О. Кайтаг в VIII – первой половине XIX в. (Исследование политической истории и роли в системе политических структур Северо-Восточного Кавказа. Махачкала, 2015. – 490 с.
31. Мухаджиев С.Х. Исламский узел Кавказской войны. Майкоп, 2006. – 198 с.
32. Надинский П. Суворов в Крыму. Симферополь, 1950. – 78 с.
33. Очерки истории Карачаево-Черкесии. Ставрополь, 1967. Т. 1. – 600 с.
34. Присоединение Крыма к России. СПб., 1885. Т. 1. – 873 с.
35. Ратушняк В.Н. Вхождение Северо-Западного Кавказа в состав России и его капиталистическое развитие. Краснодар, 1978. – 96 с.
36. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 52. Оп. 194. Д. 151. Ч. 1; Д. 350. Ч. 7; Д. 364. Ч. 4; Д. 481; Д. 487.
37. Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в. М., 1988. – 357 с.
38. Сборник Русского исторического общества (Сб. РИО). СПб., 1911. Т. 135. Ч. 8. – 553 с.
39. Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI – XIX вв. М., 1958. – 244 с.
40. Фадеев А.В. Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореформенный период. М., 1957. – 257 с.
41. Фадеев А.В. Россия и Кавказ первой трети XIX в. М., 1960. – 398 с.
42. Центральный государственный архив Республики Дагестан (ЦГА РД). Ф. 379. Оп. 1. Д. 258.
43. Чечня. История и современность. М., 1996. – 352 с.
44. Чирг А.Ю. Развитие общественно-политического строя адыгов Северо-Западного Кавказа (конец XVIII – 60-е гг. XIX в.). Майкоп, 2002. – 204 с.
45. Шишов А.В. Схватка за Кавказ (XVI – XXI вв.) М., 2007. – 480 с.
46. Щербина Ф. История Кубанского казачьего войска. Екатеринодар, 1910. Т. 1. – 710 с.

REFERENCES

1. Abdulaeva M.I. Dagestan v politike Osmanskoj imperii vo vtoroj polovine XVIII – XIX v. Mahachkala, 2006. – 180 s.
2. Akty Kavkazskoj arheograficheskoj komissii (dalee – АКАК). Tiflis, 1879. Т. 2. S. 294–459.
3. Alafaev A.A., Tetuev A.I. Rossiya na Severnom Kavkaze v XVIII – nachale XXI v. // Prepodavanie istorii v shkole. 2007. № 3. S. 11–17.
4. Alekseeva E.P., Kalmykov I.H., Nevskaja V.P. Dobrovol'noe prisoedinenie Cherkessii k Rossii. Cherkessk, 1957. – 90 s.
5. Alieva S.I. Nogajskie tjurki. Baku, 2010. – 332 s.
6. Arsanukaeva M.S. Gosudarstvenno-pravovaja politika Rossijskoj imperii v Chechne i Ingushetii (XIX - nachalo HH vv.): osnovnye napravlenija, metody i posledstvija. M., 2012. – 496 s.
7. Arhiv gosudarstvennogo soveta (AGS). SPb., 1869. Т. 1. Ch. 1. – 1036 s.
8. Ahmadov Sh.B. Shejh Mansur. M., 2010. – 371 s.
9. Ahmadov Sh.B. Chechnja i Ingushetija v XVIII – nachale XIX veka. Groznyj, 2002. – 528 s.
10. Bennigsen A. Narodnoe dvizhenie na Kavkaze v XVIII veke. Mahachkala, 1994. – 80 s.
11. Butkov P.G. Materialy dlja novoj istorii Kavkaza s 1722 po 1803 god. SPb., 1869. Ch. 2. – 600 s.; Ch. 3. – 620 s.
12. Gadzhiev V.G. Rol' Rossii v istorii Dagestana. M., 1965. – 392 s.
13. Garunova N.N. Rossijskie goroda-kreposti v kontekste politiki Rossii na Severo-Vostochnom Kavkaze v XVIII – pervoj polovine XIX v. Mahachkala, 2007. – 275 s.
14. Gugov R.G. Kabarda i Balkarija v XVIII v. i ih vzaimootnosheniya s Rossiej. Nal'chik, 1999. – 687 s.

15. Dogovory Rossii s Vostokom politicheskie i torgovyje. SPb., 1868. – 296 s.
16. *Idrisov Ju.M.* Očerki istorii severnyh kumykov. Mahachkala, 2014. – 232 s.
17. *Idrisov Ju.M., Abdusalamov M.-P.B.* Kumykskie feodal'nye vladenija v kontekste razvitija i kraha teokraticeskogo proekta imama Mansura v 1785-1786 godah // Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Vyp. 4 (108). Majkop, 2012. S. 82–89.
18. Istorija Adygei. Majkop, 2009. T. 1. – 452 s.
19. Istorija mnogovekovykh vzaimootnošenij i edinenija narodov Dagestana s Rossiej. K 150-letiju okonchatel'nogo vhozhdenija Dagestana v sostav Rossii. Mahachkala, 2009. – 752 s.
20. Istorija narodov Severnogo Kavkaza s drevnejših vremen do konca XVIII v. M., 1988. – 547 s.
21. Kabardino-russkie otnošenija v XVI–XVIII vv. M., 1957. T. 2. – 424 s.
22. *Kidirnijazov D.S.* Nogajcy v XV–XVIII vv. (Problemy političeskikh, jekonomičeskikh i kul'turnykh vzaimootnošenij s sopredel'nymi stranami i narodami). Dis... na soisk. učennoj stepeni dokt. istorich. nauk. Mahachkala, 2001. – 532 s.
23. *Kidirnijazov D.S.* Dagestan i Severnyj Kavkaz v politike Rossii v XVIII – 20-e gg. XIX v. Mahachkala, 2013. – 456 s.
24. *Kidirnijazov D.S., Musaurova Z.K.* Očerki istorii nogajcev XV – XVIII vv. Mahachkala, 2003. – 248 s.
25. *Kidirnijazov D.S., Rabadanova A.U., Garunova N.N.* Dagestan v politike Rossii, Irana i Turcii v seredine 90-h gg. XVIII v. // Gumanitarnye, social'no-jekonomičeskie i obshhestvennye nauki. Vserossijskij nauchnyj zhurnal. № 5. Ch. 1. Krasnodar, 2014. S. 207–210.
26. *Korolenko P.P.* Dvuhsotletie Kubanskogo kazach'ego vojska. Ekaterinodar, 1896. – 94 s.
27. *Krasnov G.* Stavropol' na Kavkaze. Stavropol', 1957. – 227 s.
28. *Magomedov R.M.* Obshhestvenno-jekonomičeskij i političeskij stroj Dagestana v XVIII – nachale XIX v. Mahachkala, 1957. – 408 s.
29. *Mahmudova K.Z., Kidirnijazov D.S.-A.* Georgievskij dogovor 1812 goda//Voprosy istorii. 2012. № 9. S. 148–153.
30. *Murtazaev A.O.* Kajtag v VIII – pervoj polovine XIX v. (Issledovanie političeskoj istorii i roli v sisteme političeskikh struktur Severo-Vostochnogo Kavkaza. Mahachkala, 2015. – 490 s.
31. *Mushadzhiev S.H.* Islamskij uzél Kavkazskoj vojny. Majkop, 2006. – 198 s.
32. *Nadinskij P.* Suvorov v Krymu. Simferopol', 1950. – 78 s.
33. Očerki istorii Karachaevo-Cherkesii. Stavropol', 1967. T. 1. – 600 s.
34. Prisoedinenie Kryma k Rossii. SPb., 1885. T. 1. – 873 s.
35. *Ratushnyak V.N.* Vhozhdenie Severo-Zapadnogo Kavkaza v sostav Rossii i ego kapitalističeskoe razvitie. Krasnodar, 1978. – 96 s.
36. Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoričeskij arhiv (RGVIA). F. 52. Op. 194. D. 151. Ch. 1; D. 350. Ch. 7; D. 364. Ch. 4; D. 481; D. 487.
37. Russko-dagestanskije otnošenija v XVIII – nachale XIX v. M., 1988. – 357 s.
38. Sbornik Russkogo istoričeskogo obshhestva (Sb. RIO). SPb., 1911. T. 135. Ch. 8. – 553 s.
39. *Smirnov N.A.* Politika Rossii na Kavkaze v XVI – XIX vv. M., 1958. – 244 s.
40. *Fadeev A.V.* Očerki jekonomičeskogo razvitija stepnogo Predkavkaz'ja v doreformennyj period. M., 1957. – 257 s.
41. *Fadeev A.V.* Rossija i Kavkaz pervoj treti XIX v. M., 1960. – 398 s.
42. Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Dagestan (CGA RD). F. 379. Op. 1. D. 258.
43. Chechnja. Istorija i sovremennost'. M., 1996. – 352 s.
44. *Chirg A.Ju.* Razvitie obshhestvenno-političeskogo stroja adygov Severo-Zapadnogo Kavkaza (konec XVIII – 60-e gg. XIX v.). Majkop, 2002. – 204 s.
45. *Shishov A.V.* Shvatka za Kavkaz (XVI – XXI vv.) M., 2007. – 480 s.
46. *Shherbina F.* Istorija Kubanskogo kazach'ego vojska. Ekaterinodar, 1910. T. 1. – 710 s.